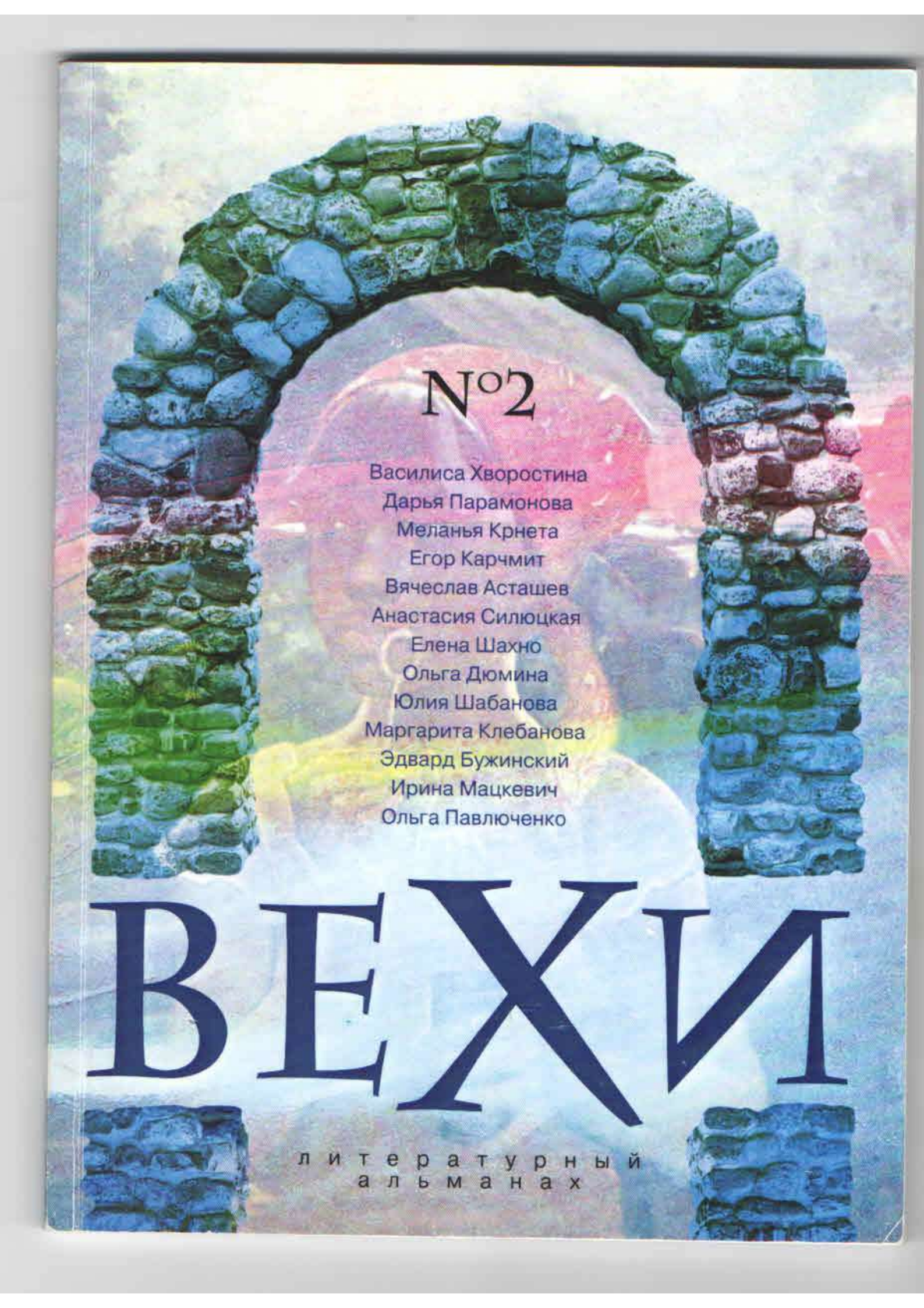

The background of the cover features a soft-focus image of a person's face, with a warm sunset or sunrise sky in shades of orange, red, and yellow behind it. A prominent stone archway, constructed from irregular, greyish-blue stones, frames the central text. The arch is complete at the top and sides, with the bottom corners missing, revealing the large title below.

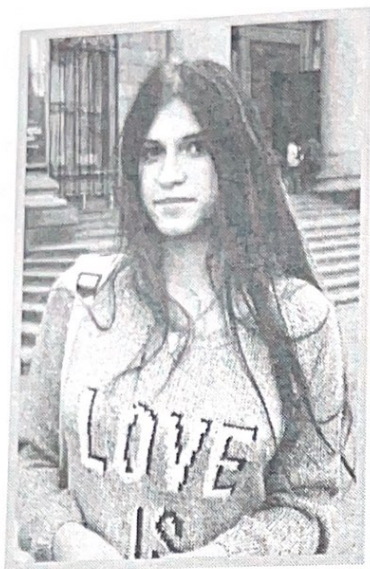
№2

Василиса Хворостина
Дарья Парамонова
Меланья Крнета
Егор Карчмит
Вячеслав Асташев
Анастасия Силюцкая
Елена Шахно
Ольга Дюмина
Юлия Шабанова
Мargarита Клебанова
Эдвард Бужинский
Ирина Мацкевич
Ольга Павлюченко

ВЕХИ

литературный
альманах

Василиса Хворостина

Доброго времени суток, дорогие читатели. Меня зовут Василиса.

Я всегда поражалась тому, как пара слов может заставить затрепетать в тебе каждую клеточку тела, именно поэтому с самого детства поставила себе цель – писать. Писать рассказы, стихи, повести, да что угодно, что может найти отклик в других людях. Именно поэтому сейчас вы держите в руках этот журнал и можете видеть моё фото. Здесь опубликованы самые яркие и искренние, на мой взгляд, истории из моего детства. Очень надеюсь, что вам понравится. Приятного прочтения!

Парижанка

Посвящается шестилетней Василисе

Лучшие мои воспоминания – воспоминания о том времени, когда каждое своё лето я проводила в деревне, посвящая жизнь беззаботным прогулкам, уходом за грядками и беседам с бабушкой под кружку ароматного чая с мятой и листьями смородины.

Утро задалось с самого начала: бабушка, наконец, смогла приготовить тесто для моих любимых оладий, а такая возможность выпадала крайне редко.

Поэтому, воодушевившись прекрасным, я направилась к столу, и вот уже в скором времени мы пили нежнейший кофе с молоком, заедая его блинчиками, таявшими во рту. Кошка Муся доброжелательно мурчала, что помогло ей и её котенку Лизе заполучить от меня пару оладий, смазанных сметаной.

Прошло около получаса, мы с бабушкой сменили несколько тем для разговора, и я уже собиралась уходить... но тут мой взгляд привлёк прогноз погоды. Каждая из страниц обещала

солнце и высокие температуры, но тут в глаза мне бросилось чернейшее облако, из которого, не переставая, лилась вода. Рядом, большим шрифтом, была написана цифра 9. Быстро оббежав глазами таблицу, я выхватила название «Париж». Это слово отдавало мне чем-то превосходным и таинственным. Я встряхнула головой и пошла гулять.

Но не прошло и получаса, как я обошла дома каждого из моих друзей – все они были заняты поливом грядок, потому что неистовая жара сушила буквально каждое из растений. Раздосадованная, я села на скамейку и шумно вздохнула. И зачем эта жара, если мне не с кем ею наслаждаться? Тут в голову пришло слово «Париж», и я начала размышлять о том, как бы было хорошо на жаркие и одинокие дни перемещаться в это тайное место, бегать под проливным дождём и, сидя на балконе, перечитывать старые бабушкины книги.

Замечтавшись, я и не заметила, как из дома напротив ко мне вышла приветливая старушка. Сначала она расспросила о том, как поживает моя семья, растут ли у нас огурцы и не видела ли я, куда опять убежала её коза, которую она непредусмотрительно выпустила с утра пораньше пощипать травы. Размеренная болтовня и мои постоянные кивки настолько утомили, что желание прилечь и подремать начало косить меня. Вот скука. Неужели всё, что она говорит, интересно для неё? Я бы никогда не выращивала огурцы, потому что поливать их надо из специального ковшика, а воду разбавлять жёлтой жидкостью. Я бы растила томаты. Это вкусно, да и поливать их можно из шланга. Хотя дедушка из шланга поливает вообще всё.

Тут в голову будто выстрелило это слово. И, недолго думая, я выпалила:

- Париж.
- Прости, дорогая, можно ещё раз?
- Ну, Париж. Знаете такое?
- Конечно, знаю, когда-то очень давно я даже мечтала съездить туда и посмотреть на Эйфелеву башню. Но почему ты заговорила об этом?

– А я там жила. А сейчас вот приехала к бабушке. На про-

стое посмотреть, знаете. У нас там всё очень заковыристое такое, и дождь этот с тучами.

– Правда? Никогда бы и не подумала, что у нас в деревне будет гостить кто-то из такого дальнего места. Но когда вы успели там побывать?

– А я там родилась. Каждый день смотрела на Эйфелеву башню из окна.

– Так ты и французский знаешь? Скажи-ка что-нибудь!

Я судорожно начала перебирать в голове все знакомые слова. Французский... Возможно, это их язык. Звучит также заковыристо.

Недолго думая, я вспомнила наш с подругой выдуманный язык и начала балаболить как можно быстрее, лишь бы она не поняла, что на нашем с Полиной языке я сказала: «Простите, но у вас не будет немного колбаски к обеду?»

Закончив свою речь, я настороженно наткнулась на её поражённый взгляд

– Как звучит красиво... Так чисто на русском говоришь, даже и не скажешь, что росла не здесь.

– Да это моя мама просто русский знает. С детства так я и говорю. Чисто очень, знаете. Забочусь об этом.

Тут прямо напротив нас появилась бабушка Лена, соседка. Под восторженные крики моей собеседницы «Ты взгляни, французский знает!», она тотчас села напротив меня, и мы погрузились в длительную беседу о том, какая тяжёлая мне выпала доля. И температура другая, и обычаи, и язык. Сначала я беспокоилась о том, что могу говорить как-то неважно, но уже через пару минут начала рассказывать истории о своих походах с семьёй в парк и просмотр прогноза погоды на французском.

Через час бабушки засобирались в огород, а я – домой. Прощалась я с ними как следует – на французском, и направилась к себе. Остаток вечера провела в играх со своими пуговицами и мыслях о том, что такое Париж и почему там всегда идёт дождь.

На следующий день приехала мама. Вместе мы готовили семейный ужин, но ближе к вечеру она пошла к дяде Серёже за свежим козьим молоком, оставив меня охранять кусочки курицы от Муси и банды её шкодливых котят. Наша с ними игра в догонялки была в самом разгаре, как тут я услышала не просто громкий, а скорее даже громовой, смех. Последний раз мама так смеялась, когда бабушка надела на меня кофту моего дяди двадцатилетней давности и отправила в детский сад.

Осторожно выглянув из сенцев, я посмотрела в сад. За семейным столом сидела мама и, оживлённо двигая руками и смеясь, говорила что-то. Обычное дело, наверное, мама снова рассказывает свои потешные истории. Быстро накрыв курицу крышкой, а котят выгнав на улицу, на носочках я направилась напрямик к саду. Сев под забором, я начала слушать: «... и она мне говорит: «Ты чего же, Анжелика, не сказала, что в Париже-то жила! Ваша вон как болтает замечательно, я даже былые времена вспомнила. И как вы с такого места сорвались?!».

Тут я ясно поняла, что сейчас они не разберутся поймут без меня, поэтому осторожно выглянула из-за забора. Мой брат Валик, увидев меня, со смехом сказал: «Смотрите, кто к нам прилетел – наша Парижанка!».

– Это вы откуда знаете? – настороженно спросила я.

– Как откуда, да о тебе вся деревня теперь гремит. Парижанка в нашей деревне, с русским, как у жителя Беларуси. В шесть лет-то, это же находка!

По саду разнёсся громкий хохот моей семьи.

Уже темнело. На коленях у мамы было тепло и уютно, а под её тихий голос меня начало клонить в сон. Не помню как, но я оказалась в кровати. Мама поцеловала меня в лоб и прошептала: «Парижанка ты наша, спи». Тут же я провалилась в глубокий сон, и мне снилось, как мы все сидим за нашим столом под Эфелевой башней и говорим на французском, а рядом стоят люди из нашей деревни и громко охают, как же хорошо и слаженно у нас выходит.

Незабываемый летний закат, запах ароматного сена и тёплые полосы света на моём лице

Самыми полезными местами в моей деревне я считала дачи, на которых можно было поесть малины, озеро, в котором я каждый год неистово плескалась, и ферму, о которой сейчас пойдёт речь.

Эта история приключилась со мной в самом разгаре каникул. На улице царило свойственное летнему вечеру тепло, вокруг витали ароматы свежей травы и костров, что заставило меня выйти из дома и удобно расположиться на небольшой веранде без окон, из которой я могла по-хозяйски наблюдать за происходящим по двору. Бабушка опять пропалывала клубнику в огороде, хотя мне казалось, что если пропалывать одно и то же место почти 3 месяца, там уже в принципе ничего не должно расти, её сестра рассказывала разные истории, мама возилась с закатками на зиму, дедушка подозрительно долго сидел в своём сарае, а дядя снова хвастался уловом. Меня всегда удивляло то, как они могли находиться на разных концах одного участка, но при этом быть рядом и вести диалог. Под их монотонный гомон я заснула.

Проснувшись через пару часов, я поняла, что пропустила самое важное – закат. Дело в том, что мой отдых в деревне подходил к концу, поэтому некогда любимые вещи, вроде закатов и семейных посиделок у костра, откладывались до следующего года. Как говорила моя подруга Полина: «Цени то, что имеешь сейчас, потому что день – это возможность». Я была уверена, что родители сказали ей это не в целях начать больше кататься со мной на велосипеде, а лишь для того, чтобы она стала с большим энтузиазмом собирать фрукты и овощи для закаток на зиму, мол, сейчас не поешь, а зимой баночку достанешь – и будет тебе удовольствие. Но поскольку я в такие сомнительные удовольствия не верила, фраза меня не впечатлила, и я создала новую. «Люби всё вокруг и смотри на это как в последний раз» – именно так звучал мой лозунг, который я не могла отнести лишь к своим походам в школу.

Проблему того, что я упустила один из последних закатов этого лета, я решила уладить вместе с бабушкой. Конечно,

в начале вместо решения моей проблемы она рассказала пару историй из своей молодости под чашку чая с мятой и смородиной, который пожелала она, но заварила почему-то я. И лишь после этого бабушка сказала одну единственную вещь – завтра мы пойдём на ферму за молоком, а по пути назад встретим закат под свежее тёплое питьё. Эту идею я восприняла на ура, поэтому впервые рано пошла спать. Засыпая, я слышала слабые звуки телевизора и уже видела переливы неба, которые предстояло наблюдать на следующий день.

На утро я проснулась с одной главной целью – не заснуть и наконец увидеть ферму на фоне уютного захода солнца. Целый день все мои мысли были посвящены именно этому, я даже надела свою особую красную кофту, приносившую мне удачу, и городские балетки.

Наконец долгожданный момент настал – часы пробили пять, поэтому, вооружившись двумя бидонами и деньгами, мы с бабушкой тронулись в путь. Наша деревня по своим размерам была небольшой. Вокруг были только лес, дачи, расположенные прямо за нашими участками и трубами, и та самая ферма, идти до которой надо было минут пятнадцать.

По дороге я рассказала бабушке о нашем тайном штабе, который мы обустроили на плитах посреди поля. Она сказала что-то о змеях в траве и пауках, но я не смогла связать одно с другим и устремилась вперёд.

Уже издалека я заметила огромный участок, окружённый разноцветным забором, из-за которого доносились совершенно разные звуки: мычание, мяуканье, лай, кудахтанье и даже крики людей. Мы с бабушкой потянули на себя ворота, и они со скрипом открылись. Передо мной предстала огромная территория, наполненная разнообразной живностью и стогами сена, высотой доходившими до коровника. Коровы махали хвостами и щипали траву, куры квохтали и носились из стороны в сторону, овцы прижимались друг к другу и странно глядели на меня, а котята ластились. Тут я и поняла – со всеми животными мы поладим, и, забыв о молоке, ринулась заводить новых друзей. В это время бабушка уже болтала с дояркой, вместо того, чтобы забирать у неё свежее молоко. Это по-

зволило обойти мне каждый закоулок, заглянуть во все будки и рассмотреть всех животных, что там были.

И тут появилось это. Из-за угла вышел какой-то мохнатый шар в перьях, голова его была синяя, а под ней располагалась борода, только не как у дедушки, а красная и очень длинная. У меня от изумления даже рот открылся! Что это может быть? Странный петух? Собака? Может, это чупакабра, о которой так часто говорят по телевизору?

Тут это непонятное существо обратило всё своё внимание на меня и возмущенно заклохоталось. Да, оно мне тоже не нравится, но я же не квохчу. Ужасное животное, и зачем такие нужны вообще... Мои рассуждения о том, как бы прервать его уже раздражающие звуки, остановилось на моменте, где ЭТО побежало ко мне, развив огромную скорость. Поняла я только одно – надо удирать, поэтому, долго не думая, кинулась со всех ног к своим новым друзьям. Но почему-то ни коровы, ни собаки, которые до этого приветливо лизали мне руки, не хотели выручать меня из этого неудобного положения. Я носилась как проклятая, петляла и скакала через кучи грязи, моя обувь из городской стала не то чтобы сельской – она вообще перестала походить на обувь.

Тут мне на глаза попала башня из стога сена, а над головой словно лампочка загорелась. Я перепрыгнула через небольшой забор и поскакала по более-менее чистым участкам земли. Позади себя я слышала громкое квохтанье этого создания, что придавало моему бегу большую интенсивность. Когда я уже почти добежала до сена, откуда ни возьмись на земле оказался шланг, из которого лилась вода. Именно по луже, где эта вода смешалась с грязью, я и пробежалась, надеясь, что бегущий волосатый шар застрянет там и больше никогда не сможет трясти своей противной красной бородой. Но ОНО оказалось то ли более терпеливым, то ли я ему настолько не понравилась, что существо продолжило свою погоню. Подбежав к башне из сена, я вмиг заскочила туда, забыв и о боязни высоты, и о том, что в руках бидон, и поползла как можно выше от беса.

Оказавшись на максимальной для меня высоте, я глянула вниз. Чупакабра зло глядела на меня, словно ожидая момен-

та, когда я слезу, для того, чтобы показать мне, кто тут главный. Но мне было и так понятно, что главная тут я, поэтому слазить не собиралась. Уже даже заметила место, где лучше всего будет заночевать, если оно не пожелает признать свою слабость передо мной.

И тут из коровника вышли бабушка и доярка тётя Зоя. Их лица я не забуду никогда. Вместо того, чтобы подойти к тому животному и увести его, они громко хохотали и издавали звуки, похожие на слова «индюк», «грязь», «залезла» и всякое такое. И тут моё сознание будто щёлкнуло, и я вспомнила: закат! Устремив взгляд в небо, я увидела переливы розового и красного. На горизонте свои последние лучи мне дарил красный шар солнца, уходящий на покой. В эту минуту я забыла и о чупакабре, и о грязи, которая облепила меня с ног до головы, и даже о том, что бабушка и тётя Зоя продолжали смеяться. Животное зло посмотрело на меня в последний раз и укувыляло в свой домик, но я даже не обратила на него внимания, потому что самым важным для меня было лишь это мгновение: вокруг был лес, на котором лежала красная тень, запах ароматного сена, крики петухов, тёплые полосы света на моём лице и то, как я была сейчас высоко, и дело вряд ли было в том, что я залезла на самую высокую точку сеновала.

Сняв меня и выслушав, бабушка ещё долго не могла перестать улыбаться, и тогда я поняла, что теперь её улыбка станет моим закатом на ближайший год, пока не наступит следующее лето. Тётя Зоя потрепала меня по чистой части головы и налила молока в свой бидон, сказав, что это подарок от того индюка.

– Индюка? Это та чупакабра?

– Да, и ему не понравилась твоя кофта. Индюки не любят красное.

– Получается, они не любят и закаты? В чем тогда их польза? Они глупые, у них же у самих красная борода, которая ничуть не отличается от моей кофты.

Бабушка лишь посмотрела на меня с каким-то пониманием и сказала, что нам пора идти домой.

С тех пор прошло десять лет, а я так и не понимаю, почему тому индюку не понравилась моя кофта и отчего же индюки так не любят красный цвет.